

СЛОВЕСНАЯ РѢЧЬ ЧЕЛОВѢКА (*).

Человѣкъ бесѣдуетъ съ собратомъ своимъ, сообщая ему все, что можетъ думать и чувствовать: удивительное и крайне-замѣчательное явленіе! Что такое словесная рѣчь наша? Какъ она образовалась? дарована ли благою природою, какъ пять чувствъ, или изобрѣтена, приобрѣтена? Составляетъ ли она исключительное преимущество человѣка, или у животныхъ есть также языкъ, и чѣмъ онъ отличается отъ нашего?

Всему живому дана болѣе или менѣе способность обнаруживать знаками, тѣлодвиженіями состояніе души и чувствъ. Чѣмъ выше стоитъ животное въ непрерывной цѣпи природы, тѣмъ это яснѣе: улитка прячетъ рожки, встрѣтивъ сопротивленіе, а куколка бабочки, если вы тронете ее, покачивается или вертитъ судорожно хвостикомъ, чтобъ показать непріятное ощущеніе; почти тоже дѣлаютъ

червячокъ и гусеница; ящерица подымаетъ головку, прислушивается къ шороху и, разставивъ лапки, готовится къ бѣгству; взглянувъ на нее въ этомъ положеніи, вы должны согласиться, что оно выражаетъ что-нибудь: вы видите испугъ, ожиданіе, осторожность. Птица обнаруживаетъ уже несравненно-болѣе тѣлодвиженія, ужимки ея разнообразнѣе; онѣ не только просто выражаютъ состояніе и чувство животного, но служатъ также для взаимнаго сообщенія, хотя еще довольно-ограниченнаго. Коль-скоро часовой журавль вытягиваетъ шею и обращаетъ голову въ сторону, не подавъ даже голоса, то немедленно вся стая дѣлаетъ тоже, понявъ предостерегательное движеніе. Если охотникъ крадется подъ утокъ и одна изъ нихъ замѣтитъ его и вытянетъ сторожко шею, то всѣ прочія оглядываются и готовятся къ быстрому отлету. Всякая птица понимаетъ угрозу другой; когда одна, молча, взъерошивъ перья, наклоняетъ голову, то другая сама отвѣчаетъ на вызовъ, или уклоняется отъ драки. У животныхъ млекопитающихъ это

еще яснѣе: собака внезапно останавливается и подымаетъ голову; другая тотчасъ же, наостривъ уши, взглядываетъ на нее, а потомъ и на предметъ, обратившій на себя вниманіе первой; слѣдовательно, она поняла ее. Лошадь начинаетъ бодриться, прядетъ ушами, и другая, понявъ чувства ея, отвѣчаетъ тѣмъ же, оглядываясь кругомъ. Когда лошадь протянетъ голову и пригнетъ уши, то всякъ изъ насъ невольно отскочить отъ заднихъ копытъ ея; а собака иногда однимъ нѣмымъ взглядомъ своимъ заставить васъ обойти ее кругомъ. Если двѣ незнакомыя другъ другу собаки нечаянно сойдутся, то выраженіе изъ удивленія, осторожности и любопытства - понятно даже для человѣка; голова животного, быстро подымается, шея сокращается, вбирается въ себя, уши стоятъ, брови вздернуты, глаза на выкатѣ, хвостъ поднять кверху. Обѣ готовы на бой, или покрайнѣй-мѣрѣ обѣ принимаютъ такой видъ, чтобы застрашать другъ друга: шерсть на загривкѣ ошетичилась, песъ принимаетъ молодецкую

осанку, скалить зубы; но хвостъ, этотъ указатель тайной думы собачьей, хвостъ, который измѣняетъ псу, какъ глаза измѣняютъ человѣку - хвостъ обнаруживаетъ въ это время степень храбрости, драчливости, трусости или миролюбія. Круто-всрюченный и недвижимый, онъ показываетъ дѣйствительную готовность къ бою, рѣшительность и неуступчивость; если же напротивъ собака слегка помахиваетъ поднятымъ хвостомъ, то она обнаруживаетъ этимъ благородную готовность отвѣчать, въ случаѣ нужды, на вызовъ, но и привѣтливую наклонность кончить новое знакомство дружелюбно; приподнятая рѣпица, напротивъ, и загнутый къ низу конецъ хвоста выражаютъ опасеніе и предвѣщаютъ неустойку; если же собака вовсе не подымаетъ хвоста или даже ущемила его между ногъ, и къ тому еще приложила уши, облизывается, присѣдаетъ и гнетъ шею на одну сторону, а голову въ другую, то это, какъ всякому извѣстно, показываетъ, что она вовсе не намѣрена

даться, ни анступательно, ни оборонительно, и просить пощады. Собаки безспорно понимают все это между собою гораздо-лучше насъ, потому-что одна всегда соображается съ подобными движеніями другой; и если, напримѣръ, послѣдній случай кончится тѣмъ, что новые знакомцы, обнюхавъ другъ друга, разойдутся, то вы все-таки легко можете видѣть по осанкѣ той и другой, кто изъ нихъ считаетъ себя побѣдителемъ, и кто побѣжденнымъ.

И такъ способность выражаться мимически, знаками, тѣлодвиженіями, дана въ различной степени, всѣмъ животнымъ, въ томъ числѣ и человѣку. Этого не нужно изобрѣтать и этому не нужно учиться, - разумѣется, говоря о той только мимикѣ, которая предшествуетъ словесной рѣчи, а не послѣдуетъ ей. Спѣсъ, гордость, страхъ, испугъ, ужасъ, злоба, радость, печаль, любовь, отвращеніе и проч. выражаются человѣкомъ всегда и вездѣ одинаково, если только отстранимъ недоразумѣніе, которое могло бы произойти отъ причисленія къ

мимикѣ этого рода знаковъ случайныхъ или условныхъ. Утверждая, мы киваемъ головой, а отрицая, потряхиваемъ ею; Турокъ, на оборотъ, дѣлаетъ въ томъ и въ другомъ случаѣ движеніе почти-противное нашему. У Европейцовъ считается невѣжливымъ сѣсть, безъ приглашенія, вошедши въ комнату сановнаго человѣка; въ Средней-Азіи напротивъ даже простолюдинъ, вошедши къ хану и дѣлавъ униженное привѣтствіе, садится тотчасъ же у порога, потому-что стоять во весь ростъ передъ высокой особой невѣжливо. Это мимика условная, случайная. Но поднятая кверху, или загнутая назадъ голова, вздернутый носъ и нижняя губа, закинутыя за спину руки и проч., конечно у всѣхъ народовъ означаютъ высокомеріе, гордость, или что-нибудь подобное; а наклоненіе головы и тѣла впередъ - униженіе, покорность. Когда и гдѣ кроткая улыбка могла бы обнаруживать месть и злобу, а лицо, готовое заплакать, радость или удовольствіе? Гдѣ поднятый кулакъ есть представитель дружбы, а распростертыя

объятія - вражды и ненависти? Вѣрить нельзя нашимъ объятіямъ, - но это другое дѣло: умышленное притворство не есть выраженіе природы. Состояніе души человѣка и многихъ животныхъ обнаруживается также независимо отъ произвола, выраженіемъ лица и даже однихъ глазъ; словомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что живое тѣло, одушевленное снутри, чуткое, воспріимчивое ко всему снаружи, тѣло, въ которомъ каждое волоконецъ соединено жизненно съ цѣлымъ, что тѣло это отвѣчаетъ какимъ-либо знакомъ на всякое наружное вліяніе и обнаруживаетъ плотію своею всякое движеніе души.

Но, кромѣ того, высшимъ животнымъ данъ еще голосъ, способность издавать черезъ гортань звуки; и голосъ этотъ безъсомнѣнія исключительно предназначенъ для взаимнаго сообщенія какъ наружныхъ ощущеній такъ и внутреннихъ движеній. Другой цѣли нѣтъ у природы и быть не могло. Прислушивайтесь почаще къ карканью вороны и слѣдите въ то же время

за причиною его: дикимъ, сиплымъ, однообразнымъ голосомъ предостерегаетъ она товарищей отъ опасности, и сама первая подымается, или остается на мѣстѣ строгимъ и быстрымъ наблюдателемъ, продолжая кричать: берегись! берегись! Самодовольно, беззаботно и весело каркаетъ она совѣмъ-иначе, когда разгуливаетъ по полю съ подругами и подбираетъ букашекъ; опять иначе сзываетъ лѣтнихъ птенцовъ своихъ и другимъ отчаяннымъ крикомъ требуетъ помощи, когда попадаетъ въ бѣду; прочія вороны понимаютъ ее, отвѣчаютъ ей, слетаются около нея, когда она требуетъ попощи, и, напротивъ, ни одна не думаетъ слетѣть къ ней, когда она, не призывая никого, чиститъ носъ, сидя на кровлѣ, и каркаетъ протяжно во все воронье горло, заканчивая каждый разъ какой-то икоткой, будто у нея въ зобу одышка. Раскаркавшись, она кричитъ можетъ-быть громче того, какъ стала бы кричать о помощи; но крикъ этотъ не тревожитъ ни одной изъ подругъ, которыя, сидя тутъ и

тамъ на кровляхъ, продолжаютъ также спокойно чистить носъ, не оглядываясь даже на вѣщунью. У ласточки есть свой отрывистый, отчаянный напѣвъ, когда грозитъ кошка или ястребъ, и сотни подругъ являются мгновенно, ширя по воздуху, если не на помощь, то по-крайней-мѣрѣ изъ участія и любопытства; а коли та же ласточка, въ теплый, хорошій день, нахватавшись сама мошекъ и накормивъ досыта писклять своихъ, сядетъ на кровлю, подъ которой у нея слѣплено гнѣздо, или на протянутую черезъ дворъ веревку, и щебечетъ, выводя протяжное колѣнце, послѣ нѣсколькихъ скорыхъ переборовъ - то не только вы слышите, что она поетъ отъ удовольствія, но всѣ подруги ея слышатъ и понимаютъ ее, а инныя присѣдаютъ рядомъ и подтягиваютъ. Даже воробей, хоть онъ и совсѣмъ-другой артели, щебечетъ въ то же время самодовольно на вишнѣ; но стоитъ только ласточкѣ закричать «карауль!» и ринуться въ воздухъ, какъ и воробушекъ мигомъ смолкнетъ, вытянется, перескочить на другую вѣтку, оглянется кругомъ,

поворачивая головку бокомъ и кверху - и завидѣвъ непріятеля, и воробей принимается по своему вторить касаткѣ. - Лошадь одарена отъ природы не слишкомъ большимъ разнообразіемъ голоса, но при всемъ томъ она ржетъ иначе отъ боли или страха, иначе, когда, закинувъ гриву и поднявъ хвостъ, несется радостно на свободѣ, или когда потеряла подругу и подзываетъ ее, и наконецъ совсѣмъ-иначе, когда эскадронный командиръ выйдетъ къ коновязи и скажетъ вахмистру вполголоса: «давать овесъ!» - Какая разница между отчаяннымъ крикомъ кошки, переливающейся на всѣ лады, когда ее сѣкутъ за какую-нибудь вину, - между распѣвами той же кошки на мартовскихъ посидѣлкахъ, подъ трубой на кровлѣ, - и между привѣтливымъ мяуканьемъ этого животного, когда оно ласкается вокругъ ногъ вашихъ, изгибаясь всѣмъ тѣломъ, какъ каучуковая кукла; иначе опять голодная кошка проситъ ѣсть, даже иначе мяукаетъ у дверей, желая, чтобы ее впустили, и вовсе иначе разговариваетъ съ своими котятами.

То же можно сказать о собакѣ, и болѣе или менѣе обо всякомъ животномъ, которому данъ голосъ.

И такъ животное обнаруживаетъ и сообщаетъ мысли и чувства свои не только тѣлодвиженіями, ужимками, но и голосомъ. Спрашивается, не стѣ ли это уже родъ языка, не есть ли это также родъ словесной рѣчи? Нѣтъ; по-крайней-мѣрѣ между языкомъ, который выражаетъ извѣстными звуками однѣ только страсти или состояніе души, и между словесною рѣчью, которая облекла въ условные звуки все, что только можетъ постигнуть человѣка, - цѣлая бездна: тутъ скачокъ огромный, и постепеннаго перехода нѣтъ. Еслибъ у человѣка не было словесной рѣчи, то онъ не только не могъ бы мообщить товарищу, что чувствуетъ и мыслить, но онъ и самъ могъ бы чувствовать и мыслить немного болѣе того, что можетъ чувствовать и мыслить умная лошадь, собака, слонъ или обезьяна. Въ душѣ такого человѣка были бы совершенныя потемки, она осталась бы неразвитою, сонною, безсознательною.

Душа наша, въ нераздѣльномъ соединеніи съ плотію, требуетъ в плотскихъ, гласныхъ средствъ, для самаго разъясненія себѣ самой, въ связи своей съ тѣломъ, всего того, на что даны ей свойства и способности не только для обнаруженія кому-либо иному своихъ чувствъ и мыслей. Двойственное начало всегда и вездѣ требуетъ и двойственныхъ средствъ; мысли и разсужденія, необлеченныя въ слово, для насъ не существуютъ, мы не можемъ составить себѣ о такой диковинкѣ никакого понятія, потому-что такія мысли и разсужденія не могутъ войти въ кругъ нашего яснаго сознанія. Внезапное движеніе души совершается въ насъ безъ всякой связи съ словесною рѣчью; но за то оно и бываетъ сперва безсознательно; если же мы станемъ въ послѣдствіи размышлять объ этомъ, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что произошло, то дѣйствіе это, какъ всякое созерцаніе, потребуетъ умственного или мысленнаго выраженія того, что въ насъ происходитъ, словами. Всякій изъ насъ думаетъ или размышляетъ про-себя,

на какомъ-нибудь языкѣ; попробуйте обойтись безъ этого пособія - дѣлать самое простое соображеніе, не выражаясь мысленно словами, и вы увидите, что это не возможно. Вотъ уже достаточная причина, почему животныя никогда не могутъ подняться въ умственномъ развитіи своемъ выше извѣстныхъ предѣловъ; у нихъ нѣтъ языка, они не могутъ облекать мысли свои въ слова, а слѣдовательно, не могутъ и превзойти весьма-ограниченной мѣры умственной жизни. Но за то животное безспорно дѣлается умнѣе, образованнѣе, разсудительнѣе, посредствомъ сближенія и общежитія своего съ человѣкомъ и по мѣрѣ того, какъ научается понимать словесную рѣчь его. Разумѣется, что и этой понятливости положены извѣстные предѣлы, служащіе ограниченіемъ духовнымъ; а съ другой стороны животное ограничено и плотскими средствами, недозволяющими ему самое произношеніе словесной рѣчи. Первое обстоятельство препятствуетъ ему изобрѣсти языкъ свой, а второе перенять и усвоить себѣ готовый.

Нѣмой человѣкъ, у котораго также не достаесть средствъ произносить слова, хотя и у него, какъ у животнаго, есть голосъ, не менѣе того достигаетъ значительной степени умственнаго развитія - если употребить надлежащее стараніе и средства, чтобы дать ему языкъ умственный; въ противномъ случаѣ глухонѣмой останется навсегда на самой низшей степени человѣчества...

Словесная рѣчь наша не дана намъ отъ природы, а дана только духовная потребность къ образованію слова и физическая возможность, способность къ выполненію этой потребности. Поэтому можно сказать, что слово или языкъ изобрѣтенъ, или по-крайней-мѣрѣ пріобрѣтенъ человѣкомъ; что онъ долженъ бы быть изобрѣтаемъ вновь, каждый разъ, когда два человѣка, воспитанные въ совершенномъ незнаніи какого-либо языка, были бы поставлены во взаимную необходимость состоять въ какихъ-либо между собою сношеніяхъ. Если допустить, что человѣку данъ языкъ отъ природы, то какимъ образомъ обьяснить безконечное

различіе языковъ, въ коихъ нѣтъ и тѣни какого-либо сходства? Какъ объяснить то, что дѣлается ежедневно предъ нашими глазами, т. е. что ребенокъ учится говорить исподоволь, что научается съ одинаковою легкостью всѣмъ языкамъ, и что онъ, придумывая иногда свои слова, слѣдуетъ при этомъ какимъ-либо случайностямъ, а не внушеніямъ природы, которая должна бы подсказывать ему готовые слова, т. е., что каждый ребенокъ придумываетъ свои слова, нисколько несхожія со словами, придуманными другимъ ребенкомъ? Можно ли сомнѣваться и въ томъ, что еслибы два или три человѣка были выращены вмѣстѣ, но такимъ образомъ, чтобы никогда не слышали рѣчи людской, то они составятъ, изобрѣтутъ свой особый, новый языкъ, а не заговорятъ ни по-русски, ни по-гречески, ни по-еврейски? Но самое сильное доказательство въ пользу нашего мнѣнія состоитъ въ слѣдующемъ: можетъ ли существовать довременный языкъ или словесная рѣчь, когда еще нѣтъ предметовъ и нѣтъ понятій, которые прійдется

выразить? По мѣрѣ того, какъ является потребность, изобрѣтается и слово для нея; это мы видимъ даже и нынѣ: природа не подскажетъ вамъ недостающаго слова, если вы его не знаете, или если его нѣтъ на вашемъ языкѣ, - а можетъ подсказать его развѣ испорченный, вѣрный вкусъ и чувство, какъ вскармленники роднаго языка. Если бы языкъ данъ былъ природой, то невозможно и представить себѣ, въ какомъ бы объемѣ онъ могъ быть данъ спервоначала, и какимъ образомъ предметы и понятія вещественные и невещественные могли бы получить како-либо названіе, прежде чѣмъ они существовали.

Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что природа дала человѣку, какъ и всякому животному, но человѣку въ болѣе-совершенной степени: а) естественную мимику, которая въ дробностяхъ и частностяхъ своихъ можетъ разнообразиться, смотря по быту и обычаямъ того или другаго народа; б) дала человѣку и животному голосъ грудной, происходящій отъ ударенія воздуха изъ

легкихъ въ дыхательное горло, какъ въ дудку, или духовой музыкальный инструментъ; голосъ этотъ разнообразится особымъ устройствомъ гортани, смотря по расположенію и страстямъ души, и образуетъ крикъ, вой, ревъ, хохоть, плачь, стонъ, зовъ и проч., выражая общія состоянія духа; с) наконецъ, дала природа исключительно человѣку духовную потребность и тѣлесную возможность выразить, сверхъ-того, еще безконечный рядъ условныхъ звуковъ, придать каждому изъ нихъ и различнымъ сочетаніямъ ихъ особое значеніе и образовать такимъ образомъ словесную рѣчь.

На чемъ основано исключительное преимущество человѣка, данная ему потребность и способность къ образованію и произношенію словесной рѣчи? Потребность чисто-духовная и также мало-объяснимая, какъ самая душа и всѣ свойства ея; возможность или способность съ одной стороны, безспорно также духовная, но съ другой стороны плотская тѣлесная и основана на устройствѣ

человѣческаго тѣла. Не будемъ здѣсь говорить объ устройствѣ мозга нашего, потому, во-первыхъ, что назначеніе разныхъ частей его чрезвычайно-темно и мало-извѣстно, и потому еще, во-вторыхъ, что весь перевѣсъ человѣческаго мозга предъ мозгомъ другихъ животныхъ есть не качественный, а только количественный; т. е. нѣтъ ни одной отдѣльной части въ мозгу человѣческомъ, которой бы не было также въ мозгу высшихъ животныхъ. Обратимся же лучше къ другому существенному отличію и преимуществу рода человѣческаго, къ устройству лица его, и въ-особенности всѣхъ частей, служащихъ къ произнесенію слова Голосъ есть также у животнаго; но голосъ заключаетъ въ себѣ одни только гласные звуки или буквы; и изъ однихъ гласныхъ не можетъ составиться языка, словесной рѣчи. Выходя изъ горла, простой звукъ долженъ встрѣтить какое-либо сопроитвленіе, искусственное направленіи и измѣненіе. Вотъ что образуетъ языкъ, или по-крайней-мѣрѣ склады и слова и вотъ чего

животнымъ не достаетъ. Въ крикѣ нѣкоторыхъ животныхъ мы слышимъ согласныя, но рѣдко, неясно и притомъ весьма-небольшое число ихъ, и нигдѣ не найдемъ того разнообразія, которое требуется для составленія языка. Всѣ согласныя буквы наши раздѣляются весьма-основательно, на гортанныя, небныя, зубныя, губныя, носовыя и проч. Наименованіе это происходитъ отъ той части полости рта нашего, которая, въ соединеніи съ языкомъ, пересѣкаетъ направленный на нее звукъ и образуетъ извѣстную согласную, какъ давно уже опредѣлили наши грамматики. Такъ пресѣченіе голоса внезапнымъ соединеніемъ губъ образуетъ согласную м; голосъ, спертый прижатымъ къ небу языкомъ - н; прижатымъ къ верхнимъ зубамъ кончикомъ языка - т; поднятымъ кверху корнемъ языка и направленіемъ звука въ носъ - польскіе и французскіе звуки, и т. д. Посему словесная рѣчь наша справедливо названа языкомъ, отъ этого главнѣйшаго словеснаго орудія, а нечистое

произношеніе - косноязычіемъ. Человѣкъ, у котораго языкъ, зубы, щеки, небо, завѣса или другія части значительно-повреждены, не можетъ чисто говорить; выходя изъ гортани, звукъ не въ полной власти хозяина своего, согласныя выходятъ неясно, и чѣмъ поврежденіе или природный недостатокъ значительнѣе, тѣмъ менѣе согласныхъ человѣкъ можетъ произнести, тѣмъ болѣе рѣчь его принимаетъ дикій звукъ, тѣмъ болѣе уподобляется голосу безсловеснаго животнаго. Въ этомъ значеніи и самое названіе безсловеснаго дано правильно и вѣрно; а, е, и, о, у - сами по себѣ, сколько ни тянутъ ихъ, не составляютъ еще слова, хотя и могутъ имѣть въ рѣчи нашей значеніе; слово образуется изъ слоговъ или слога, а слогъ не можетъ составиться безъ согласныхъ буквъ или звуковъ.

Предвидя немаловажное возраженіе, мы сами должны теперь къ нему обратиться: «а попугай и нѣкоторыя другія птицы, развѣ онѣ не говорятъ?» - и возраженіе это требуетъ двоякаго объясненія. Во-первыхъ, попугай

повторяетъ заученныя слова безсмысленно, безсознательно, что даже вошло у насъ въ поговорку, - никогда самъ себя не понимаетъ и даже не воображаетъ, что онъ говорить; вы никогда не доведете его даже до того, чтобъ онъ кричалъ, когда онъ голоденъ: «пока каши хочетъ»; - онъ кричитъ все, что и какъ попало. Это вѣрно; если же станутъ рассказывать намъ, съ самоувѣренностію и убѣжденіемъ, какой-нибудь примѣръ необычайно-умнаго и милаго попугая, который спрашивалъ эсть, когда былъ голоденъ, и на зовъ зозяина отвѣчалъ: «сейчасъ», то не станемъ спорить; а замѣтимъ только, что попугай, безъ всякаго сомнѣнія, произносить тѣ же слова и въ другое время, и что наконецъ всякое животное, которое нѣсколько-смышленнѣе попугая, легко можетъ быть приучено требовать пищи извѣстнымъ знакомъ или голосомъ, и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, можно допустить также, что иной понятливый попугай можетъ затвердить и помнить звукъ или слово, за которое его преисмущественно кормятъ. Во всякомъ

случаѣ это не разговоръ, не словесная рѣчь, а безсмысленная болтовня переимчиваго на звуки попугая.

Во-вторыхъ, остается объяснить противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что попугай, дроздъ, скворецъ, галка, воронъ, сорока, соя, мгутъ произносить нѣкоторыя слова, тогда какъ мы утверждали, что животныя вообще этого не могутъ: природа дала птицамъ совсѣмъ-особое устройство горла, снабдивъ его двойною гортанью, верхнею и нижнею; дѣйствуя обѣими, птица чрезвычайно разнообразить звуки, и верхняя гортань можетъ замѣнять ей, отчасти, полость нашего рта со всѣми принадлежностями. У попугая даже вовсе нѣтъ губъ, безъ коихъ человѣкъ говорить не можетъ; попугай почти вовсе не дѣйствуетъ языкомъ во время говора, тогда какъ мы безъ языка не произнесемъ ни одного слова. Слѣдовательно, говоръ попугая не тотъ языкъ, который образуетъ вещественную часть человѣческой рѣчи, а пѣвчій голосъ птицы, способный произносить множество звуковъ,

посредствомъ особаго устройства самого дыхательнаго горла. Замѣтимъ мимоходомъ, что на изложенной нами теоріи основаны болѣе-удачные опыты искусственнаго говорящаго снаряда: мѣхъ, дѣйствуя, вмѣсто легкихъ, въ трубочку или дудку, оканчивающуюся гортанною скважиною, производитъ звукъ, который, проходя искусственную полость, вмѣсто полости рта, измѣняется, отсѣкается и направляется удободвижимыми частями, устроенными въ слѣдствіе безчисленныхъ и неутомимыхъ опытовъ. Впрочемъ, снаряды эти, подтверждая теорію словопроизношенія, были доселѣ только весьма-слабымъ подражаніемъ человѣческой рѣчи.

Кромѣ птицъ, у которыхъ особенное устройство двойной гортани способствуетъ произнесенію большаго числа разнородныхъ звуковъ, прочія животныя не въ состояніи произносить словъ, по недостаточному устройству частей, составляющихъ полость рта и зѣва. Всѣ рассказы и увѣренія о словесныхъ собакахъ

и тюленяхъ не заслуживаютъ никакого довѣрія; такой говоръ есть не иное что, какъ лай, вой и мурлыканье, въ которомъ, безъ явнаго предубѣжденія, невозможно услышать никакого подобія съ человѣческою рѣчью. Кто будетъ наблюдать хотя самое короткое время говорящаго человѣка, слѣдитъ со вниманіемъ за движеніями всѣхъ участвующихъ въ томъ частей, - тотъ легко убѣдится, что нѣтъ животнаго, которое могло бы разнообразить до такой степени движенія эти и въ-особенности работать подобнымъ образомъ, языкомъ и губами. Наблюдая за положеніемъ языка и губъ животныхъ, въ то время, когда они издають какой-либо голосъ, мы должны безспорно согласиться, что губы, большею частію, бездѣйствуютъ, а языкъ ограничивается однообразнымъ, небольшимъ движеніемъ взадъ и впередъ; но никогда не увидимъ мы боковаго движенія, обращенія языка концемъ кверху, къ небу, или прижатія его къ зубамъ.

Кромѣ этого физическаго препятствія для животныхъ, есть, какъ мы сказали, и нравственное. Никогда животное не возвысится до изобрѣтенія условнаго языка, до условнаго сочетанія гласныхъ и согласныхъ звуковъ для обозначенія предметовъ и понятій: животное довольствуется гласными и полугласными звуками, однообразными напѣвами, выражающими нѣкоторыя потребности или ощущенія; звуки эти даны, какъ и самое значеніе ихъ, природою и у животнаго одного и того же вида, языкъ одинъ - если только это можно назвать языкомъ. Измѣненія, которыя въ этомъ отношеніи замѣчаются, должно приписать климату и роду жизни, котоыре нѣсколько измѣняютъ физическое устройство тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый голосъ. Такъ напр., собака подъ экваторомъ почти вовсе теряетъ голосъ, который въ среднихъ широтахъ бываетъ у нея довольно-объемистъ; такъ вольная и дикая жизнь дѣлаетъ собакъ болѣе-склонными къ вою: онѣ разучиваются лаять; но бурый медвѣдь

Алтая, Урала, Карпатъ и Кавказа одинаково изъясляетъ удовольствіе или гнѣвъ свой, и вы не найдете ни одного особеннаго звука, свойственнаго медвѣдямъ одной только извѣстной мѣстности, принятаго и условнаго между ними, и неизвѣстнаго такимъ же медвѣдямъ другой мѣстности.

Человѣкъ, въ обществѣ котораго животное умнѣетъ, можетъ довести его стараніями своими до того, что животное будетъ издавать нѣкоторые условные звуки; можно приучить собаку просить эсть извѣстнымъ лаемъ или воѣмъ; можно даже приучить другихъ животныхъ понимать условный звукъ этотъ, знать и помнить, что когда такая-то собака залаетъ такимъ-то голосомъ, то въ слѣдъ за тѣмъ ихъ кормятъ. Но далѣе идти нельзя по сему пути - а отъ этой точки остается еще безконечное пространство до человѣческой, словесной рѣчи. У животныхъ нѣтъ ни духовной потребности, ни физической возможности для образованія языка, а потому и словесной рѣчи нѣтъ и быть не

можетъ. Все, что было говорено и писано о разговорѣ животныхъ, въ-особенности же птицѣ, должно понимать въ томъ крайне-ограниченномъ случаѣ, какъ то объяснено было выше: изъясняя и выражая общія ощущенія - радость, удовольствіе, страхъ, опасеніе, зависть, ненависть, ревность, голодъ, стужу, и пр., животное никогда не можетъ подняться выше этихъ общихъ выражений и не можетъ бесѣдовать иначе, какъ подобными идиотичными возгласами.

Но чѣмъ болѣе мы вникаемъ въ сущность словесной рѣчи нашей, тѣмъ болѣе призадумываемся и тѣмъ менѣе постигаемъ этотъ дивный даръ Божій, этого товарища и достойнаго сотрудника духовной жизни. Какъ языкъ не можетъ родиться безъ высшихъ духовныхъ способностей, дарованныхъ исключительно только человѣку, такъ и разумъ нашъ, и даже самыя чувства, не могутъ достигнуть высшаго развитія, безъ выраженія, т. е. безъ языка. Всѣ высшія способности наши спятъ, бездѣйствуютъ во тмѣ, въ ожиданіи слова, призывающаго свѣтъ.

Но чтобы не перешагнуть за предѣлы положительнаго, или по-крайней-мѣрѣ довольно-вѣроятнаго, и не попасть въ область туманныхъ мечтаній - должно кончить. Какимъ способомъ образовался первый языкъ, какія части рѣчи напередъ, какъ дошли до грамматическаго измѣненія ихъ, какимъ образомъ языки и нарѣчія дѣлились, дробились, принимали новыя свойства, какимъ образомъ и отъ-чего измѣнялось самое произношеніе, отъ чего въ различныхъ языкахъ встрѣчаемъ такія буквы, которыхъ въ другихъ нѣтъ вовсе, и буквы, обзія многимъ языкамъ, произносятся на одномъ такъ, что соотчить драгаго никогда не можетъ ихъ выговорить; по какимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ восточнымъ языкамъ достались въ удѣлъ удушливыя, гортанныя буквы, а западнымъ - концевязычныя; почемъ уна юговостокѣ образовался языкъ китайскій, въ которомъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, а на сѣверѣ другой - финскій, въ которомъ насчитываютъ до полутора десятка падежей; какія общія причины измѣняютъ

языкъ въ-теченіе немногихъ вѣковъ до того, что его нельзя узнать; почему одни языки гибнуть изъ рѣчи устной, хотя памятники ихъ остаются иногда на письмѣ, а новыя нарѣчія и языки возникаютъ, - все это обширное, безконечное поле для разгула нашего воображенія; но, судя по сдѣланнымъ доселѣ на немъ одиночнымъ поискамъ, намъ долго-долго не измѣрить поля этого перекликами, и не изъѣздить даже на крылатомъ конѣ - котораго самое названіе напоминаетъ намъ языкъ мертвый!

В. ЛУГАНСКІЙ.

(*) Здѣсь мы сошлись, въ статьѣ: "Словесная Рѣчь" (см. "Литературную Газету" 1844 г. № 12, стр. 208-213) съ изложенными тамъ началами. Безъ физическихъ пособій нѣтъ духовнаго образованія: чувства наши должны намъ дать понятія о предметахъ, а слова даютъ необходимый вещественный припасъ для наведеній, сужденій и заключеній.

ññûëêà

(*) См. примѣчаніе къ статьѣ
"Звѣринецъ" въ 3-мъ № "Лит. Газеты"
нынѣшняго года.